

Т.К. Щеглова

ЭКОЛОГИЯ ЖИЛИЩА И ТРАДИЦИИ СОБИРАТЕЛЬСТВА ТОПЛИВА РУССКИМ СЕЛЬСКИМ НАСЕЛЕНИЕМ ЮГА ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В ГОДЫ ВОЙНЫ 1941–1945 гг.: ПО ПОЛЕВЫМ ИССЛЕДОВАНИЯМ

На полевых материалах рассматривается собирательство русского сельского населения как адаптивная практика по обеспечению крестьянского жилища топливом в годы войны. Анализируются трудовые традиции, состав участников и их обязанности, способы заготовки и доставки, средства транспортировки и тяговая сила. Выявляются места и традиции хранения топлива. Делается вывод о зависимости собирательства от «кормящего ландшафта» и выделены географические зоны с преобладающими видами топлива.

Ключевые слова: культурная антропология; русское сельское население; Сибирь; война; собирательство; топливо; природная среда; трудовые традиции.

Культура жизнеобеспечения русского сельского населения, состоящая из базовых систем – жилище, пища, одежда, имеет ряд подсистем, напрямую связанных с жизнедеятельностью изучаемого этноса [1–2]. Для жилища такой подсистемой является его экология, включающая обеспечение температурного режима и влажности, которая стоит в одном ряду с подсистемой санитарии жилища, в том числе обеспечение чистоты и борьба с насекомыми и др. В совокупности они образуют базовые компоненты традиционной культуры. Но в современной историографии по этнографии русских эти системы и подсистемы культуры жизнеобеспечения рассмотрены неравномерно как в отношении их изученности, так и в акцентуации роли традиций русского населения в контексте исторических событий XX столетия. Например, жилище, с одной стороны, регулярно находится в поле зрения исследователей [3–5], с другой стороны, традиционно основное внимание уделяется срубным строительным традициям, планировке жилища и гораздо меньше – экологии жилища. Отметим, что традиции русских преимущественно рассматривались этнографами в досоветской деревне и ограниченно анализируются в контексте событий советского времени, в том числе войны 1941–1945 гг., изменившей условия жизнедеятельности русского сельского населения [6]. На примере жилища эта особенность также заметна [7].

Целью публикации является попытка ликвидировать пробелы в изучении экологии жилища и рассмотреть адаптационные практики русского сельского населения в обеспечении его топливом, особенно в годы войны 1941–1945 гг. Основными источниками исследования являются материалы историко-этнографических экспедиций автора, основанные на методах этнографии и устной истории (oral history) с опорой на историческую память носителей традиций, являвшихся участниками жизни сибирской деревни в рассматриваемое время, а также выявленные в муниципальных архивах воспоминания, материалы опросов тылового населения и другие документы личного происхождения. Гипотезой является утверждение автора о важном значении традиционных навыков и умений крестьянской семьи в борьбе с холодом как важнейшей составляющей экологии жилища русского населения, которые базировались на знании и традициях освоения

природно-географической среды окрестных мест и реализовывались через собирательство.

В традиционной культуре русских обеспечение теплового режима и отопление жилища при долгих сибирских зимах являлись элементом культуры жизнеобеспечения, связанном с поддержанием полноценного функционирования жилища. Для русских сибиряков важнейшими видами топлива были дрова [8]. Приверженность к ним всегда сохранялась у русского сельского населения. Для заготовки дров, как в дореволюционное время, когда лес являлся кабинетской собственностью, так и в советское время, когда лес стал государственной собственностью, нужно было пройти процедуру согласования с уполномоченными органами. Заготовка и доставка оставались проблемой сельской семьи. Однако разнообразие природно-географических условий не исключало и других видов топлива, особенно на безлесных территориях.

В годы Великой отечественной войны повсеместно отмечается замена дров второстепенными в традиционной культуре русского сельского населения видами топлива. Как говорят респонденты, «топили, кто чем мог» [9]. В условиях замены дров всем, что горело, пригодились навыки и умения русского населения, адаптировавшегося к трудным условиям в период освоения и обживания сибирских просторов.

Обеспечение топливом в годы войны жители села осуществляли двумя путями. Первый путь – сбор в доступных окрестностях села всего, что горело. Этот вариант зависел от возможностей «кормящего ландшафта» и состава семьи как производственного коллектива. Второй путь был связан с трудовыми традициями изготовления топлива. Эти традиции были напрямую связаны со скотоводством, так как сырьем для кизяка служил навоз домашнего скота. Первый вид топлива, к которому относились шишки, сучки, хвоя, полынь, камыш и т.п., можно назвать нерукотворным, второй вид (кизяки) – рукотворным, так как «делался» руками и ногами человека. Эта разница маркируется в материалах интервью глаголами: в первом случае корреспонденты говорят «собирали лепешки (коровий помет)», «заготавливали хворост», «заготавливали сухую полынь»; во втором случае употребляют термины «делали кизяк», «топтали ки-

зяк». Как правило, во всех русских сельских семьях заготовка топлива носила смешанный характер, что подтверждается многочисленными устными свидетельствами: «Мы сильно замерзали, печь топить нечем было. Топтали кизяки, собирали лепешки, заготавливали *попынь*» [10. Антоник (Рощик) Раиса Ивановна, 1939 г.р.] или: «Топили в основном кизяком. Летом все дети, в том числе и мы, заготавливали хворост, сухую попынь и делали кизяк на зиму» [10. Сидоренко (Кобозева) Анна Михайловна, 1938 г.р.].

Сбор топлива был традиционной обязанностью всех членов семьи: «Ни дров, ни угля не было, мне приходилось ходить по околкам и носить вязанки сушняка для топки» [Там же. Токарева (Арндт) Паулина Конрадовна, 1931 г.р.]. Им занимались попутно с другой работой: «Лес самостоятельно рубить было нельзя, даже поваленную ветром сухую лесину брать было нельзя. Мама очень рано отгоняла корову в стадо и уходила с ней далеко в лес, чтобы обратно захватить хворост. То, что упало, хворост, сухой валежник, брать было можно. Притащит домой, меня разбудит: “Талья, пойдем пилить”. Я научилась пилить дрова с шести лет» [11. С. 143].

Но в силу занятости трудоспособного населения в колхозном производстве сбор топлива стал в первую очередь обязанностью детей, подростков и нетрудоспособных пожилых людей. В рассказах респондентов зафиксирован широкий ассортимент собираемого топлива. Среди заготавливаемых детьми горючих материалов называют высокий осенне-зимний травяной сухостой (попынь, борщевик и т.д.), валежник, чащу, солому и т.д. «Это ужас! Угля не было, дров... Это попынь, солома какая-нибудь чаще была» [Там же. С. 86]. «Топили печь кизяком и объедами от соломы» [10. Агафонова (Будко) Валентина Петровна, 1933 г.р.]. «И как-то же ещё и выжили! Нароботаешься, идёшь домой и горе горюешь – чем печь топить? Кизяком да соломой не много тепла добудешь, приходилось ходить в лес за березняком» [11. С. 17].

Набор собираемого топлива определялся природно-географическим положением региона и возможностями кормящего ландшафта. Анализ полевых материалов позволяет выделить несколько природно-географических зон Алтая, которые влияли на традиции заготовки топлива русским сельским населением в годы войны. Это степные безлесные территории, лесотаежные территории, приборовые территории.

На **приборовых территориях** русское сельское население в годы войны спасала от холода связь крестьянской культуры с сосновым бором. Как известно, ленточные боры имеют протяженность с юга на север, и вдоль них исторически формировались цепочки сел. В ходе многовекового освоения приборовых территорий как в дореволюционное, так и послереволюционное время сложились традиции использования леса, лесохраны и института объездчиков.

Крестьянская цивилизация выстроила экологически рациональные взаимоотношения с природной средой, которые стимулировались податной политикой региональных властей по расчистке леса, рек, ручьев, родников. Поэтому в сосновых борах топливом, кроме положенных на душу крестьян дров, вы-

даваемых в дореволюционный период каждой семье ежегодно (нормы заготовки дров варировались по волостям) [8], традиционно служили валежник, сушняк, сучья. Эти навыки пригодились русскому сельскому населению в советское время с отчуждением крестьян от леса. В Романовском районе в селах вдоль бора – Бурановке, Мормышах, Гуселетове, в соседних приборовых селах Волчихинского района – Селиверстове, Усть-Волчихе, Усть-Кормихе – домашним промыслом до войны и в годы войны для колхозного крестьянства стала заготовка сухих сучьев сосны. В годы войны этим занимались пожилые женщины и подростки, которые заготавливали и носили вязанки сучьев и хвороста. М.Е. Любанский из с. Рассвет Романовского района рассказывал: «В то время спали мы на голых досках, а маленькие ребята – на печи. Холодно ночами было, особенно зимой. Ранним утром дед ходил в лес за дровами. Напилит *сучков*, принесет домой, затопит печь, хорошо, тепло» [10. Любанский Михаил Ефимович, 1931 г.р.].

Эта традиция являлась частью культуры жизнеобеспечения жителей приборовых сел десятка сельских районов Алтайского края. В 1930–1950-е гг. это стало обязанностью крестьян преклонного возраста. Заготовка сучьев была им под силу. Дети не участвовали в этом еще и потому, что могло быть опасно отправлять их в лес. Р.Д. Сычева рассказывает: «У меня и мама была, дров¹ наготовим. Придем, смотрим – нет. А потом смотрю, мама с дровами [сосновыми сучками] идет да говорит: “Че это я из поленицы брать буду”. Уже в возрасте таком была. Потом мы не стали ей разрешать. То говорит: “Да я вот и принесу и мне дня три [хватит]”. Сучки сосновые, теперь вывезли уже лес» [12].

Процесс заготовки сучков был прост, но требовал определенных усилий и достаточно высокого роста человека, чтобы достать до засохших веток. Как известно, сосна имеет высокую крону и нижнюю оголенную часть. Поэтому обычно использовали «крючки». Ими могли служить ветки деревьев с сучками, образующими крюк. В некоторых семьях были металлические самокованные крюки, которые, как ухват, нанизывались на древко. Но носить было их тяжело. Обычно такой крюк брали с собой, если организовывался коллективный выход. Часто им пользовались старики. При этом, как смеются респонденты, его использовали по дороге как посох. Вот как описывали это респонденты: «Сучки... Крючки... К сосне пойдешь, возьмешь такое сухое, обломаешь, приносишь, складываешь, вот это и топились» [Там же].

К заготовке сучков привлекались и подростки. Они часто ходили в лес, беря с собой младших братьев и сестер. При этом старшие подростки занимались заготовкой сучков, а младшие заготавливали сухую хвою, которой подтапливали печи. Она загоралась быстро и давала хороший жар. В культуре жизнеобеспечения русского сельского населения приборовых территорий в годы войны и другие трудные годы хвоя заменяла «щепу». Р. Д. Сычева на вопрос, кто занимался сбором, отвечала: «Ну, детвора... [ей было в начале войны 13 лет] Ага, и сучки мы, они сухие. Даже, бывает, нагребем, с хвоей принесем.

В загородке все [складывается], это отдельно. Это отдельно [хвоя отдельно, сучки отдельно]. Хвою положил, хоть что положи, оно будет гореть» [12].

Заготовка сучьев в годы войны кроме утилитарного значения напрямую отражала культуру русских крестьян, которая включала бережное отношение к лесу, кормящему ландшафту, природе. В материалах интервью отражаются забота и стремление поддерживать ее способности возрождения, ответственность за состояние леса и окрестных мест: «А лесообъездник пойдет и метки поставит, сколько тебе кубиков. Вот, уже знаешь, что это твои березы. Так вот ты и спиливай, и коли. Прибирай сучки, сроду. Если березу свали, так вычистишь, все сучки изрубят и поверх поленицы наложат. Вот, тятя помню, скажет: "... а вот сучки складывайте не на чисто место, а где пенек, так на пенек складывайте, потому что на чистом месте пусть травка растет. Да косить, выкашивать [в покос]. А пенек то че? Пусть тут стоит, гнивает все это самое»» [14].

Для детей более доступным являлся сбор шишек в сосновых борах. В приборовых селах собирательство шишек в годы войны превратилось в их трудовую обязанность. Дети получали задание заготовить за день определенное количество шишек. М.В. Денисова из села Лебяжье так говорила: «А как же, каждый день... обязанность такая... мешок и в бор за шишками... Вместе с подругой ходили И попробуй не принеси в день... Наберешь... надерешь, в мешок и прешь... Ссыпали кучами под навес... Всю зиму топили... Жаркие...» [15]. Или: «В лесу шишки на зиму собирали и тоже на *крышу* складывали» [10. Хорошавина (Юрова) Татьяна Михайловна, 1933 г.р.].

Обычно заготовка шишек велась весной и летом, с того момента, как сходил снег и шишки прогревались и просыхали на солнце. Раннее утро было неподходящим временем, так как усыпанная шишками земля покрывалась росой или инеем. Мокрые шишки становились тяжелыми, а главное – могли запреть в кучах. Поэтому респонденты подчеркивают: «Летом заготавливали в бору шишки, чтобы протопиться зимой. Мать нам давала задание – каждый день собрать по два мешка» [Там же. Михайличенко (Хромешкина) Ефросинья Иосифовна, 1934 г.р.].

Адаптация практик собирательства к природно-географическим условиям проявлялась в том, что вокруг цепочки сел, протянувшихся вдоль сосновых боров, в западной переселенческой зоне Алтайского края были расположены озера (приозерные села), которые также становились источниками заготовки топлива – камыша и «вымочек». Это расширяло возможности русского сельского населения данных территорий. Более разнообразный «ассортимент» топлива на приборовых территориях отражен в следующем отрывке из интервью Р.Д. Сычевой из с. Гуселетово, расположенного около бора на берегу щелочного Камышенского озера: «А топили дровами [сучки]... А дрова носили, шишки собирали. Много заготавливали шишек, чтоб на зиму хватило... Вымочку... Вымочки – это озеро высохнет, пенки останутся, вот и собираешь» [12].

В тех лесостепных и степных зонах, где было много озер, жители сел заготавливали и использова-

ли камыш. Его заготовка представляла собой традиционное скашивание при помощи «литовок» и серпов. Для отопления жилых помещений камыша требовалось много. Н.А. Маркина из с. Мормыши Романовского района так описывала заготовку камыша: «В семье остались мама, бабушка, брат и сестра Валентина. Обязанностей прибавилось. Косили камыш литовкой. На телегу по 15 снопов ложили и возили домой. Чтобы протопить печь, надо было 300 снопов на зиму. Брат косил, а я собирала и вязала» [10. Маркина (Маматова) Наталья Александровна, 1928 г.р.].

Таким образом, для русского сельского населения с приборовым и приозерным «кормящим ландшафтом» главным топливом являлись «субпродукты» соснового бора и многочисленных соленых озер. В семьях заготавливали на зиму и шишки, и сучки, и валежник, и сухой камыш, и «вымочку», и хвою.

Совсем иные традиции заготовки топлива сложились в **степных** зонах. Они формировались в менее благоприятных условиях отсутствия лесного массива. Некоторые территории были полностью безлесными и безводными, на других росли березовые колки, рощи, чащи вдоль рек и озер. Ярким примером являются традиции районов, расположенных по ту и другую сторону ленточных сосновых боров: Мамонтовского, Романовского, Волчихинского, Егорьевского, Новичихинского, Михайловского. Их села делились на две группы – «лесные», расположенные при борах, и степные, расположенные вдали от леса, в степи. Например, в Волчихинском районе вдоль бора располагались Селиверстово, Солоновка, Усть-Волчиха, Усть-Кормиха, а в степи – Гилев Лог и др. В Романовском районе вдоль бора располагались Гуселетово, Мормыши, Бурановка и другие, а в степи – Закладное и др.

Разница в возможностях «кормящего ландшафта» была настолько очевидна, что респонденты сами разделяют традиции заготовки топлива у «степняков» и «боровиков». Сравнение традиций сельчан в разной природной среде содержится в интервью Валентины Дмитриевны Бойко (1937 г.р., Малышев Лог – Закладное), которая в годы войны сначала жила в приборовых выселках Кусты («Воля Жизни»), а затем переехала в степное село Закладное. Она прямо говорит, что «сюда в Закладное переехали, топили соломой... в Романово, кто дальше от леса, в основном они топились соломой, камышом. Так вот, ну, много надо [заготовить соломы], конечно. Снопы вязали, а потом топились... Топтали кизяки из помета скотины. Конями месят с соломой. В кучку и в формы и топтали. И топили. Бывало, соломой топили [в Закладном]». А в приборовых селах в их семье заготавливали «шишки в закром... [с. Кусты] Топили сосновыми дровами. А, наверное, загородка, положат, привяжут, надо, взяла» [Там же. Бойко Валентина Дмитриевна, 1937 г.р.].

Материалы интервью в степных селах подтверждают собирательский характер заготовки топлива: «Топились полынью, подсолнухом... Холодно было. Полынь собирали старшие с матерью» [10. Гребенюк Владимир Степанович, 1935 г.р.]. Проведенный кон-

тент-анализ показывает, что наиболее распространенным трудовыми традициями по заготовке топлива в степных селах Западного Алтая являлись *солома* и *попынь* («попынь»).

Солома как вид топлива была малоэффективна, но более доступна. Отнести ее заготовку к традиции собирательства будет не совсем верно. Выдача соломы была одним из средств расчета колхозов с колхозниками по трудодням. Осенью ее вывозили с полей сами колхозники, за ней могли ездить зимой, так как в период колхозных сельскохозяйственных работ летом и осенью они не могли заниматься домашним хозяйством. Однако тепла от соломы было мало, а ее заготовка была трудоемкой. Вот как об этом говорят сами крестьяне: «Мать с темна до темна работала в колхозе, на пашне, а мы дома печку топили соломой. Тепла на час» [Там же. Киян (Шлейхер) Екатерина Кондратьевна, 1942 г.р.].

Солома часто выступала как средство растопки. Как топливо ее использовали для повсеместно распространившихся в деревнях военного времени железных печурках или голландках. Они быстро накалялись от горящей соломы и отдавали тепло жилому помещению, как и печь-голландка, используемая часто также для обогрева. Для русской печи, которая служила больше не для «сугрева», а приготовления пищи, нужен был кизяк. Это отмечается самими респондентами: «... голландку топили соломой. Вот сидишь, принесут везанку. Везанку это значит... это... или в сетки какой-либо соломой ворох. И сидишь туда подталкиваешь все в это время. Пока спалишь эту соломой, голландка становится горячей. Тепло очень было. А русскую печь топили кизяком. Так назывался. Раньше мусор никуда не вывозили. Все сжигали» [13].

Заготовкой соломы занимались женщины и подростки, а главным тяглом являлись коровы и быки. Мария Егоровна Харлова так описывала свой опыт вывоза сена для колхоза в зимнее время: «И на быках пахали, и на быках скирдовали. Я работала на быках, возили мы зимой сено. Вот поедем, вот пошлет нас бригадир. Скажет, где мы на покосе работали [где летом косили], мы знаем, где это место. Приехали, а что же там, зимы какие были! Приехали. Сказал нам: “Вот тут и вот тут [сено]. Лопаты возьмите”. Мы лопаты взяли. Приехали, как он нам растолковал, тут. А не знаем, где брать [все замело]! Вот мы вилами штырять, штырять! Все закатило снегом. Вроде бы здесь, спотыкаются вилы. Здесь стог! Вот начали мы копать. А ну как, сейчас трактор даст и обчистит. Сейчас зимами не возят, сейчас летом все вывозят. Вот мы копать! Вот мы копать, копать-копать-копать... А кто мы были? Мы трое, приехали три девчонки! Вот копали-копали, раскопали. Так его надо весь стог раскопать, не то что верхушку! Тогда она [сено, солома] будет брать. Он же стог не прямо! Он же вот так вот [пласты сена утрамбованы], не тянется. Да, мы приехали к вечеру. Два раза съездили. Мы ели натеребили [сена] и приехали» [14].

Но считать, что солома использовалась исключительно в степных районах, неверно. Каждая колхозная семья сохраняла в структуре подсобного хозяйства

корову как потенциальный и надежный источник питания и топлива. Основной кормовой базой для крупного рогатого скота в годы войны являлась солома, поэтому она была практически в каждом дворе и переселенческого степного, и старожильского предгорного и притаежного населения. В силу этого солома служила одним из источников отопления повсеместно, в том числе и в центральной и восточной части, например в Топчихинском районе с преобладанием старожильского населения, расположенном по другую сторону Барнаульского ленточного бора: «Или соломой прямо в дом заносили, топили соломой» [11. С. 178].

Более того, соломой утепляли дом. М.Е. Малахов, 1937 г. рождения из с. Огни Усть-Калманского района рассказывал, что их семья имела пятистенный дом. Зимой все жили в избе, а горницу забивали соломой, чтобы она не промерзала сильно, так как топили только русскую печь в избе. Заготавливать топлива на весь дом сил у семьи не было. И зимой все жили в однокамерной избе – тесно, но тепло. Солому брали из горницы и на подтопку, и на обогрев. А весной остатки соломы выносили: «А мышей-то было в ней!!!! Прямо гнезда с выводками. Во дворе разводили костер и бросали прямо в него соломой с мышами, только писк стоял!».

В Центральном Алтае, к которому принадлежал Усть-Калманский район, вместо соломы собирали для топлива дудки подсолнухов. За ними ходили по снегу за несколько километров на бригады. Михаил Ефимович Малахов так рассказывал: «Брат Николай пришел с фронта без руки. Сделал санки без полозьев. Прямо сколотил из досок, затесал носки. Вот на них укладывали длинные дудки вдоль санок. Высоко накладывали. А чтобы не рассыпалось, прихватывали поперек веревками. Накладывал я петлю на плечи и тащил. А сестра сзади страховала».

Распространенным объектом собирательства являлась *попынь*, или, как ее часто называли респонденты, «попынь». Ее заготавливали вручную. Летом ее косили литовкой (жали): «Жали *попынь* – это было основное топливо для суровой сибирской зимы» [10. Беседина (Савченко) Анастасия Ивановна, 1930 г.р.]. Но чаще занимались заготовкой *попыни* на зиму по осени, когда *попынь* отцветала и засыхала. Обычно это происходило с середины сентября и до глубоких снегов, которые перекрывали путь в поля и погребали под сугробами окрестности деревни. Н.С. Изотов рассказывал: «Ну, и ходили... *попынь* растет, когда она высохнет, мы ходили ломали ее, заготавливали, топили грубку» [9]. Кроме заготовки на зиму, *попынь* использовали и в ежедневной практике. «Запряжем, бывало, ночью свою корову и поедем собирать *попынь*, чтобы протопить печку наутро» [10. Герасименко (Трифонов) Дарья Николаевна, 1932 г.р.].

В степной части Алтайского края с наличием кустарника, березовых рощ и околков объектом собирательства являлся сушняк – хворост, а в боровых территориях с сосновым лесом его аналогом был валежник. Так в селах Романовского района, где существовали березовые околки с кустарниками, их вычищали дочиста. Респонденты рассказывали: «Пеньки и суш-

няк собирали в околках, ими топили печь» [10. Сапа (Дьякова) Анна Никитична, 1939 г.р.]. Поэтому до сих пор старожилы не могут относиться равнодушно к засорению околков, чащи, леса. Хворост собирали и в околках Топчихинского района. Г.П. Кондрашева рассказывала: «Иногда разрешали собирать хворост, но колки никогда не разрешали рубить, ни в коем случае! <...> И от женщины, которые работали до самого позднего, приходили домой, запрягали коров и ехали еще за хворостом в колки» [11. С. 178].

Традиционным видом топлива в степных районах являлась трава перекати-поле, в Романовском районе ее называли «катуны». В степи, в отличие от приобровых территорий, сбор и сушняка, и катунов, и полына являлся трудовой обязанностью детей всех возрастов. Задание они получали от взрослых – матери, бабушки, дедушки: «Так как печи топили соломой, полынем, собирали катуны² и коровьи лепёшки, каждый день получали задание от бабули привезти целую тележку топлива. Собиралась детвора гурьбой, поскольку тележки были не у всех, и шли в степь или близлежащие околки выполнять задание» [10. Николаенко (Мирко) Любовь Егоровна, 1937 г.р.].

Сформировались традиции транспортировки перекати-поля. Малолетних детей научили его вязать и переносить. Вот как об этом рассказывает Валентина Ивановна Рязнина (Илющенко): «Заготовкой топлива занимались и мы – детвора. Где-то в августе все ребята ходили собирать катуны (перекати-поле), почему-то в те годы их было много. Их откуда-то приносило ветром, и они катились, такие огромные, гонимые ветром, подпрыгивали, как мячики. Их прибивало к кустам, заборам, ими набивались канавы. Наша задача – натаскать этих катунов как можно больше. Мама научила нас связывать два катуна за комли, и мы с сестрой, взявшись за середину, приносили сразу два катуна. Ими топили печи, когда было еще не так холодно. Зимой в морозы топили печку сучками и кизяком [Там же. Рязнина (Илющенко) Валентина Ивановна, 1938 г.р.].

В таких случаях многодетность семей являлась благоприятным фактором. Другим благоприятным фактором были «общинные» традиции, взаимопомощь соседей. Особенно это проявлялось в объемных, трудозатратных работах. Женщины, по их же словам, сообща успевали содержать дом, готовить на зиму корм для скотины, дрова. «Бывало, приходилось в стужу идти за дровами в колки или защитные полосы, за соломой – в поле. Соседи жили дружно» [Там же. Камчатова (Кудрявская) Мария Никитична, 1920 г.р.].

В предгорных и горных районах юга Алтая традиция сбора на дрова всего, что горело, дополнялась использованием мелкого кустарника. В отличие от русских степняков, жители Краснощековского предгорного района называли его «собашник» и «таволжник», в Чарышском районе – «карагайник». Это растение, как сорняки огородов, затягивало берега горных рек, облепляло выступы гор, забивало ложбины. В словаре Даля, как и в других словарях, таволожник связывают с таволгой – кустарником. Он относит это слово к сибирскому наречию. Но разнообразие названий растения – «степная березка», «степной лабаз-

ник», «каменная таволга», «лужный таволжник» – показывает его широкое распространение по территории России. В Сибири этот кустарник достигает 1,5 м в высоту, растет и по берегам водоемов, и в болотистой местности, по полям, дорогам, на суходольных лугах, в луговых степях, на опушках берёзовых лесов. Но, в отличие от других территорий, здесь его использовали только как топливо, тогда как в других регионах «тонкие и крепкие прутья идут... на шомпола и на кнутовища... таволжаная тросточка, посошок». Таволжник заготавливали вязанками, сушили и топили им печи, дополняя «ассортимент» топлива тем же, что и жители степной и лесостепной местности, например Краснощековского района, села которого располагались частью в предгорьях, частью в горах, небогатых лесом.

В горах Чарышского района основным топливом выступал «карагайник» – народное название «желтой акации» или «караганы древовидной». Этим древовидным кустарником порастали подножья гор. В низинах карагайник мог достигать до нескольких метров в высоту, особенно вдоль рек, ручьев. Но чем выше в горы, тем ниже он становился, превращаясь в низкий неряшливый кустарник с торчащими в разные стороны веточками. В начале лета этот кустарник цвел желтыми цветами, превращавшиеся в стручки, из которых повсеместно изготовлялись детскими свистульки. Этот карагайник заготавливался так же, как и таволжник, с той лишь разницей, что в горной местности мальчишки вырубали его по склонам гор, ногами скатывали вниз и уже внизу связывали и укладывали на приспособления для доставки.

Горные таежные массивы находились далеко и были недоступны населению деревни, поэтому население там также использовало и полынь, и облепиху, и кизяки. М.Е. Харлова говорила: «Печь топили, “дрова” готовили, ездили в забоку... таволожник рубили ездили. Бывало так, что на зиму дров не хватало. Ездили зимой же в забоку, рубили – рубили и топили. А они же – разожгешь, если разожгешь, сухие есть, а если нет их – трудно разжечь сырые. Сырые где же разожгешь? Рубили и топили <...> А топить нечем было» [14]. Можно предположить, что на предгорных и горных южных территориях (Краснощековский, Усть-Калманский, Смоленский, Алтайский районы) вырубка «сорных деревьев», таких как ветлы (ивы), тополя, калина, боярышник, черемуха и мелкий кустарник, например акация (горошник), «собашник», «карагайник» и таволжник, по берегам рек, таких как Чарыш и его притоки, и в ложбинах гор не подвергалась жесткой регламентации.

В приведенном выше отрывке респондент говорит о заготовке дров, что, по-видимому, включало ветлы и другие «сорные» породы деревьев. В целом это отвечало крестьянским общинным традициям чистки рек, в том числе от деревьев и кустарников, затягивающих берега и засоряющих русло. То же касалось и кустарника, за которым также ездили в забоку. Как известно, забокой в Сибири назывался, по В. Далю, «берег, край, обочина; лесок вдоль берега речки, озера; урема; ветвь или часть чего-либо, отделившаяся вбок; речной рукав, образующий с настоящим руслом

остров». Кустарники затягивали также производственные участки земли, и их вырубка являлась частью крестьянской экологии. «В войну топили печку мы дровами. Угля не было. Дрова сами заготавливали, рубили ходили. Возле речки там у нас есть такой остров, там все время и рубили дрова, там много их было... Из бригады примерно женщины, где вот дрова, дрова зайдут, дров вязанку завяжут и тащат на себе» [17].

Несколько иная ситуация была в притаежных селах восточных районов Алтайского края у подножья Салаирского кряжа, где у истоков горных рек заготавливали лес для сплава по Чумышу (Кытмановский, Залесовский, Заринский, Тогульский и другие районы). Колхозники вылавливали «топленников» – затонувший лес. Но и в этих более благоприятных районах подспорьем к «дровам» были и полынь, и солома, и подсолнечник. «Еще у нас тут вот лог был, сеяли семечки, мы дудки ходили собирали от подсолнухов этих. Они высохнут и хорошо горят» [Там же].

Собирательство топлива в окрестностях села, часто на далеких расстояниях, ставило проблему его доставки и размещения на семейной усадьбе. Способы транспортировки зависели от «ассортимента» материалов для топки, их количества, объема и тяжести, а также расстояний доставки и участников трудового процесса. Проблема решалась в зависимости от конкретных обстоятельств. В крестьянском обществе существовали давние традиции доставки. Способы доставки можно разделить на переноску вручную и на транспортировку с помощью тягловой силы.

Если речь шла о хворосте или валежнике, т.е. заготовках в ближайшем лесу и околках, то наиболее распространенным способом была переноска вязанок – связанных веревкой пучков сушняка. Так носили найденные ветки и сучки из ближайших окрестностей: их складывали, крепко перевязывали и, перекинув через плечо, несли домой. Распространенным способом было изготовление вязанок с помощью травы или конопляных веревок. Вот как он описан респондентом: «Полынь наломаешь – вязанку и веники [получаются], на Ясной Поляне печка русская была, большая “груба” [печь] была» [10. Жига (Кабанова) Анна Трофимовна]. В годы войны вязанка хвороста, вязанка стеблей сухой полыни или конопли, связки высохшего подсолнечника были традиционным способом переноски. Чаще этим занимались взрослые нетрудоспособные члены семьи и подростки. Они уходили на доступные расстояния в поисках сушняка. Вязанкой носили домой сушняк и женщины, которые набирали его по дороге домой с полевых работ или из бригады. «Готовили еду только на печи, а для нее надо было приготовить топливо, топливом были кизяк да полынь, которую на себе носили целыми вязанками» [Там же. Геккель (Василенко) Лидия Григорьевна, 1935 г.р.]. Это же делали подростки. «Ни дров, ни угля не было, мне приходилось ходить по околкам и носить вязанки сушняка для топки» [Там же. Токарева (Арндт) Паулина Конрадовна 1931 г.р.]. Кроме хвороста, валежника, сушняка вязанками переносили и вырубленную чашу, сушняк из мелкокося, заготавливаемые сучки, вырубамый «собашник» или «карагайник», приречный кустарник и т.п.

Для доставки сыпучих видов топлива, таких как шишки, использовались мешки. Респондент рассказывает: «Маленький был, собирал везде в мешок навоз [лепешки] и топили» [10. Иливера Дмитрий Петрович, 1939 г.р.] Обычными способами их транспортировки в летний сезон служило использование средств переноски – холщовые мешки, корзины и другая тара. Как говорила Р.Д. Сычева, «на веревочку, сюда мешок, шишек наберешь. Так и идешь – мешок на голове, тут корзина, там ведро... с шишками. Ага, да, чтоб побольше принести...». Для детей устанавливалась ежедневная норма, которую тоже измеряли мешками. Об этом рассказывали многие респонденты: «Зимой топиться было нечем, так нас мама отправляла собирать коровьи лепешки. Накажет, чтобы за день собрали три мешка. Вот и ходим, и собираем» [Там же. Хорошаева (Юрова) Татьяна Михайловна, 1933 г.р.]. В сосновом бору дети по наказу родителей занимались сбором шишек в мешки: «А как же, каждый день... обязанность такая... мешок – и в бор за шишками... Вместе с подругой ходили. И попробуй не принеси в день... Наберешь... надерешь, в мешок и прешь... Всю зиму топили... Жаркие...» [15].

Однако носить и вязанки, и мешки было тяжело, поэтому создавали самодельные средства, облегчающие эту работу. Анализ полевых материалов показывает, что они нашли широкое применение уже в 1930-е гг. По-видимому, связано это было с тем, что колхозный семейный коллектив, лишенный при коллективизации «крестьянкости», остался без традиционной силы – лошадей. На самодельных транспортных средствах возили навоз и глызы, стебли полыни, подсолнуха и солому. Одним из самодельных транспортных средств являлись самодельные «тележки». В сельских районах с солеными озерами на них возили и соль, и топливо. Коровьи лепешки, если набирали много мешков, тоже возили на тележках: «Целое лето возила на тележке коровьи лепешки с пастбища – топливо на зиму. Дров не было» [10. Левченко (Сыромолот) Надежда Константиновна, 1933 г.р.]. «В 8–9 лет на разных тележках ездили за коровьими лепешками в степь, где пасся скот, за дровами – в колки» [Там же. Сиротенко (Сопова) Анна Ивановна, 1933 г.р.]. Тележки использовали для доставки любых видов сушняка (хвороста, валежника), дров: «Вместе со старшими братьями ходила в околок за дровами, правда, дрова привозили на ручной тележке» [Там же. Беседина (Савченко) Анастасия Ивановна, 1930 г.р.]. «Ну еще было так, что ребяташки, у нас тут околки были, они и сейчас там есть, сейчас их уничтожили, там валежник разный, все ребяташки на тележках оттуда вывозили» [9].

Часто в семьях русского сельского населения тележки называются возками. Они, по словам респондентов, также были самодельные. Главным требованием было, чтобы они были легкие. «Летом на зиму готовили топливо, по степи собирали коровьи лепешки, на возку возили полынь» [10. Рощик (Дацко) Нина Ивановна, 1941 г.р.].

Анализ экспедиционных материалов показывает, что изготовление средств транспортировки адаптировалось ко времени года. Среди самодельных приспособлений

соблений были средства перевозки и для лета, и для зимы. Если летом широко использовались ручные возки и тележка, то зимой – ручные саночки, ручные волокуши, для тягловой – сани и волокуши. Респонденты рассказывали: «Особенно трудно было зимой – и холодно, и голодно. Почему-то в то время нельзя было брать топливо в лесу, а бор был рядом, где-то в 1,5–2 км от села, однако люди всякими правдами и неправдами заготавливали сухие сучки, а вечерами брали саночки, ехали за ними. Так делала и мама со своей подругой Евдокией Ваулиной» [Там же. Рзынина (Илющенко) Валентина Ивановна, 1938 г.р.].

В отличие от подростков и детей женщины чаще использовали своих коров для доставки топлива. В.А. Лапина (с. Масляха, Крутихинский район) рассказывала, как она вместе с мамой ездила в бор за сухими лесинами «пока еще был небольшой снег». Укладывали на самодельные полозья комлями к корове и доставляли в село, почти таща волоком. На коровах ездили в запыленные снегом поля за соломой.

Одним из видов транспортировки были изготовляемые из досок по принципу «волокуш» универсальные «сани» без полозьев или колес – и для зимы, и для осени, и даже лета. Так, М.Е. Малахов, имевший вернувшегося с войны без руки старшего брата Николая, рассказывал, что брат «мастерил» маленькие «саночки» и «большие санки без полозьев». И те, и другие делались из досок: их ровно укладывали параллельно друг с другом. Сверху «связывали двумя досками», прибавляемыми поперек. В передней части таких саней у досок срезались под углом концы, как бы закруглялись снизу-вверх, чтобы при скольжении доски своими передними концами не втыкались в снег, траву, землю – не тормозили, а скользили. Чтобы укладываемое «топливо» не скатывалось, его не только привязывали, но и делали крайние доски повыше по нарастающей от центра к краям или обтесывали. К санкам приделывалась веревка, и их тащили волоком, накидывая на себя веревку, чтобы было легче.

Когда семья Малаховых жила с матерью в горах Чарышского района в селе Малая Сосновка, за топливом брали маленькие «санки». Дорога была неровная, если вообще была; чаще шли по неровному, или каменистому, или поросшему мелким кустарником, или заснеженному целиннику. Подростки забирались на горы до мест произрастания карагайника – низкорослого горного кустарника, вырубали его и бросали или скатывали вниз с горы. Там привязывали сформированные пучками торчащие во все стороны кусты карагайника к саночкам-волокушам веревкой сверху, накидывали веревку на плечи и тащили. Когда семья переехала в степное село Огни Усть-Калманского района, то одним из распространенных видов топлива стали «бодулы» подсолнуха. Поля с убранным подсолнухом находились далеко от села – на поле оставались стебли подсолнуха. Подростки накидывали на себя веревку с большими санными-волокушами и ходили в поля за ним. Там стебли укладывали плотными рядами на них, получались высокие «горы» сухих и почерневших стеблей подсолнуха, прихватывали сверху веревкой и волоком тащили сани домой. Также

они ездили и за початками кукурузы на удаленные бригады, где ее обшелушивали.

Условия перевозки и летом, и зимой были сложными, особенно для детей. Собирачество топлива стала трудовой традицией детей в годы войны. Им вменялось в обязанность заготавливать шишки и коровьи лепешки, собирать сушняк, ломать и приносить полынь или катуны. Превращение заготовки топлива в повседневные обязанности детей показывает установка ежедневных норм. Нормы устанавливались мешками (шишки, глыбы), вязанками (сухостой), тележками (хворост): от 1 до 3 мешков шишек, до 5–7 ручных тележек хвороста. Так, Н.Д. Черных вменялось в обязанность заготавливать сушняк по околкам: «Тележка ручная такая была, в день четыре-пять раз поедом, мы жили, тут рядом околки были» [18]. Е.И. Михайличенко: «Каждый день собрать по два мешка. Шишки складывали в кладовке» [10. Михайличенко (Хромешкина) Ефросинья Иосифовна, 1934 г.р.].

Конечно, как и в случае других объемных заданий, помогали традиционные коллективные работы, своеобразные детские «помочи». Проявлялось это в формировании детских коллективов для собирачества. «Каждый день получали задание от бабули привезти целую тележку топлива. Детвора собиралась гурьбой, поскольку тележки были не у всех, и шла в степь или близлежащие околки выполнять задание» [10. Николаенко (Мирко) Любовь Егоровна, 1937 г.р.]. Это мог быть семейный коллектив братьев и сестер: «Вот дает нам с сестрой мама на утро задание: насобирать тележку кизяков за коровами. Мы с раннего утра – в поле» [Там же. Савченко (Однораленко) Дарья Иосифовна, 1936 г.р.]. Доставку топлива существенно облегчало использование животных в качестве тягловой силы. В военное время основной тягловой силой, в том числе при заготовке топлива, была корова. Но на ней ездили за крупногабаритными грузами. Как правило, на коровах ездили женщины за соломой или сеном. Заготовка же сушняка велась небольшими объемами каждый день, и груз доставлялся вручную. У детей тягловой силой для транспортировки дневных «порций» топлива в годы войны стала собака. Для этого использовался возок. Часто всего на собаках перевозили топливо зимой. Как только снег ложился, использовали санки. Судя по описаниям респондентов, при использовании собак также изготавливали упряжь. В с. Романово в большесемейной семье «дети как могли, помогали Марфе по хозяйству. Запрягали собаку в сани и на ней возили ветки деревьев, сучки для топки, добывали пропитание» [Там же. Сапа (Ковтун) Марфа Иосифовна, 1908 г.р.]. В с. Усть-Козлуха глухонемой брат респондента, которого не взяли на фронт, также «собаке сшил хомут, ошейник, санки сделал. Он у нас рукодельный, прямо глухонемой, но на все рукодельный и сапожник. Берет этого кобелька, ведет, приезжает туда, сразу там нарубает, как в печку ложить. Ну вот, они же сырые, не сухие» [14].

Заготовка топлива предполагала его просушку и хранение. Поэтому благоприятным сезоном заготовки служило безснежное время. Респонденты рассказывали, что заготовку топлива начинали с весны, чтобы

успеть заготовить в течение лета. «С весны начинали готовить дрова. Собирали валежник и на зиму, на тележке двухколесной наваживали. Дома пилили, рубили, складывали» [10. Захарова (Зинина) Нина Ивановна, 1934 г.р.].

Любое топливо – шишки, глызы, сушняк, хворост, полынь и др. – не должно было терять сухости зимой. Для хранения выбирались или формировались особые места на усадьбе или в жилище – кладовки, чердаки, загородки в избах, сараи, навесы, подвесы. Так, для хранения шишек делались специально загородка, чтобы не попадала вода: «В загородке, сарай» или «шишки складывали в кладовке». Часто для хранения топлива использовали чердак, складывая или ссылая собранное под крышу. Как вспоминали респонденты, сухие кукурузные початки «на крышу поднимаем, чтобы зимой было чем протопить печь. Еще в лесу шишки на зиму собирали, и тоже на крышу складывали. ссыпали кучами под навес...» [15]. Под крышу на чердак могли складировать и коровьи лепешки: «... коровьи лепешки... собрали три мешка. Потом на крышу поднимаем, чтобы зимой было чем протопить печь. Еще в лесу шишки на зиму собирали, и тоже на крышу складывали» [10. Хорошаева (Юрова) Татьяна Михайловна, 1933 г.р.]. Хотя часто коровьи лепешки складывали на улицы под навесы в виде сформированных куч или скирд по принципу скирдования кизяка. Особенно, если глыз собирали «на зиму, много». В таком случае для их хранения «был сарай, или под сеночкой³, где-то мы складывали, назывались как... скирды. Складывали их сами, представляете, как? Чтобы не намокли, ни в снегу, ни на дожде, и топились» [9].

Делались и специальные загородки, которые по аналогии с амбарами сельчане называли «закрома». При этом разнообразие вспомогательных средств отопления вело и к разнообразию приспособлений и обустройств для их хранения. «Шишки в заком, – говорила В.Д. Бойко, – снопы [солому] вязали, а потом топились... загородка, положат привяжут; надо – взяла» [10. Бойко Валентина Дмитриевна, 1937 г.р.]. Использовали и естественные навесы на усадьбе, например у завалинки или на завалинке под карнизом. «Полынь собирали старшие с матерью. Возле дома хранили» [Там же. Гребенюк Владимир Степанович. 1935 г.р.].

Таким образом, сбор топлива был повсеместной практикой. Способы заготовки были зимними (сучья,

валежник, травостой, коровьи лепешки) и летними (шишки, катуны, травостой, сучья и хворост). С одной стороны, в устных исторических источниках отмечается некоторая специализация этого собирательства, детерминированная природно-географическими условиями регионов: традиции различались у сельских обществ лесостепной и степной, предгорной и притаежной частей края. В степной части Алтая заготавливали в основном сухостой, чаще всего полынь, «катуны», солому, использовали «объедки» от сена; собирали по околкам и чащам хворост, в боровой зоне самостоятельным промыслом была заготовка сухих сосновых сучьев, шишек, валежника; для ряда лесостепных районов, в том числе Романовского, Волчихинского и др. с наличием большого количества озер, важное значение имела заготовка камыша. С другой стороны, существовали и универсальные виды топлива – хворост, солома, полынь. Так, хворост, по материалам полевых исследований, использовался и в степных районах с колками, и в лесостепных регионах, и на приборовых, приозерных, предгорных, притаежных и других территориях. Повсеместно использовали отходы огородничества: после уборки урожая в топку шли стебли подсолнечника, пустые початки кукурузы, пеньки с корнями капусты, картофельная ботва и т.п.

Для перевозки, переноски и хранения топлива семья русского сельского населения пользовались умениями и навыками крестьянского общества. Традиции заготовки и доставки зависели от вида топлива, расстояний доставки и участников заготовки. Все виды «сушняка» (стебли полыни, подсолнуха, валежника и хвороста) доставляли чаще всего вручную. Для этого их связывали вязанками пучками, связки с помощью трав или самодельными (коноплеными) веревками. Для облегчения доставки, особенно на дальние расстояния, делались самодельные средства транспортировки – возки, саночки, тележки. Привлекалась и тяловая сила. Подростки часто использовали собак, женщины – коров. На усадьбах и в жилых помещениях формировались места для хранения разных видов топлива: для легких видов – чердак или выделялись места в жилище – чердак, загородки, подпечье; для тяжелых, массивных или большого количества топлива – сооружения во дворе, специальные способы укладки, шишки, кизяк, хворост.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Под дровами на приборовых территориях подразумевались сосновые сучки.

² Катуны – степное растение «перекати-поле». Другие названия: кувяркающийся сорняк, перекати-поле, русский чертополох, татарский чертополох, катун, верблюжье сено, верблюжья колючка, яндак.

³ Сени – холодная пристройка к теплomu жилому помещению, часто имела под полом пустоту, которую использовали для хранения инвентаря, глыз.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнов С.А. Народы и культуры. Развитие и взаимодействие / отв. ред. Ю.В. Бромлей; АН СССР, Ин-т этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. М.: Наука, 1989. 243 с.
2. Культура жизнеобеспечения и этнос: Опыт этнокультурологического исследования (на материалах арм. сел. культуры) / отв. ред. С.А. Арутюнов, Э.С. Маркарян. Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1983. 319 с.
3. Шелегина О.Н. Очерки материальной культуры русских крестьян Западной Сибири (XVIII – первая половина XIX в.) / отв. ред. Л.М. Русакова; Рос. акад. наук, Сиб. отд-ние, Ин-т археологии и этнографии и др. Новосибирск: Наука. Сиб. изд. фирма, 1992. 251 с.
4. Липинская В.А. Русское население Алтайского края: Народные традиции в материальной культуре (XVIII–XX вв.) / отв. ред. В.А. Александров; АН СССР, Ин-т этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. М.: Наука, 1987. 224 с.

5. Миненко Н.А. Экологические знания и опыт природопользования русских крестьян в Сибири в XVIII – первой половине XIX в. / отв. ред. А.П. Деревянко; АН СССР, Сиб. отд-ние, Объед. ин-т истории, филологии и философии. Новосибирск : Наука: Сиб. отд-е, 1991. 208 с.
6. Щеглова Т.К. Устная история (Oral history) как метод и источник этнографических исследований сельского населения в контексте исторических событий XX – начала XXI столетий // Устная история: жизненные стратегии и повседневные практики сельского населения юга Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны : сб. науч. статей и источников / сост. Т.К. Щеглова; отв. ред. Т.К. Щеглова. Барнаул : АлтГПУ, 2016. С. 22–40.
7. Щеглова Т.К. Традиции и новации в обустройстве жилой среды русского населения юга Западной Сибири в контексте исторического развития (1860–1980 гг.) // Традиционная культура : научный альманах. 2016. № 1 (61). С. 163–174.
8. Хозяйственно-статистическое описание волостей Алтайской губернии : отчёт / сост. Н.А. Ваганов, А.П. Ухтомский. СПб., 1886. 205 с.
9. Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Фонд ИЭЭ 2014. Сычева Раиса Дмитриевна, 1927 г.р., с. Майский, Романовский район.
10. Сборник воспоминаний граждан Романовского района о событиях Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Ч. 1. Женщина и война. Ч. 2. Дети войны : рукопись // Архивный отдел администрации Романовского района Алтайского края. Ф. Р-67. Оп. 1. Д. 47.
11. Алтайская деревня в рассказах ее жителей / под науч. ред. Т.К. Щегловой, Л.М. Дмитриевой. Барнаул : Алт. дом печати, 2012. 448 с.
12. Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Фонд ИЭЭ 2014. Сычева Раиса Дмитриевна, 1927 г.р., с. Гуселетово, Романовский район.
13. Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Фонд ИЭЭ 2015. Давыдова Евдокия Ивановна, 1931 г.р., с. Залесово, Залесовский район.
14. Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Фонд ИЭЭ 2015. Харлова Мария Егоровна, 1933 г.р., с. Усть-Козлуха, Краснощековский район.
15. Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Фонд ИЭЭ 2013. Денисова Мария Васильевна, 1920 г.р., с. Лебяжье, Егорьевский район.
16. Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Фонд ИЭЭ 2015. Лапутина Татьяна Константиновна, 1921 г.р., п. Благовещенка, Благовещенский район.
17. Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Фонд ИЭЭ 2015. Медведева Мария Павловна, 1930 г.р., с. Усть-Белое, Краснощековский район.
18. Архив ЛИК АлтГПУ. Фонд ИЭЭ 2012. Черных Нина Дмитриевна, 1929 г.р., с. Подойниково, Панкрушихинский район.

Статья представлена научной редакцией «История» 15 апреля 2018 г.

HOUSEHOLD ECOLOGY AND FUEL GATHERING TRADITIONS OF RUSSIAN RURAL POPULATION OF THE SOUTH OF WESTERN SIBERIA DURING THE WAR YEARS, 1941–45: ON THE BASIS OF FIELD RESEARCH

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 435, 167–176.

DOI: 10.17223/15617793/435/22

Tatiana K. Shcheglova, Altai State Pedagogical University (Barnaul, Russian Federation). E-mail: tk_altai@mail.ru

Keywords: cultural anthropology; Russian; Siberia; war; gathering; fuel; natural environment; labor traditions.

The aim of the research was to reveal the means of providing Russian rural population with fuel. The objectives of the research include studying the traditions of gathering. According to the hypothesis, gathering was based on the interaction of a peasant family and the natural environment, as well as on the non-waste nature of agricultural production. The author analyses the types of fuel, ways of gathering and transportation, distribution of chores in the family, manufacturing of transportation means, kinds of draught animals in different natural and ethno-climatic zones. The sources were materials of historical ethnographic expeditions; the methods were technologies of ethnography and oral history on the basis of historical memory of tradition bearers. The author considers that in the Russian Siberians' culture household heating during long winters was the most important element of the life sustaining culture. Two types of fuel were identified – natural materials and homesteading wastes. During the war years, they were the predominant types. The methods of their stocking up was gathering. The specific character of fuel types was determined by the natural-geographic conditions of the regions. The most advantageous zones were forest territories, with forest by-products as the main objects of gathering – branch timber, cones, brushwood. In steppe territories, resources for heating were limited – dead-grass, sagebrush, clay balls, waste products of farming and cattle breeding (straw, hay leftovers, dry dung). In lakeside territories, reed and sedge were gathered; in mountainous territories, dead-grass was gathered. The universal types of fuel were waste products of vegetable gardening – waste products of sunflowers, cabbage and potatoes. The author asserts that fuel gathering became an important life sustaining strategy. Traditions of gathering, transportation and stocking up were determined by types of fuel, its volume, its weight, the distance and family composition. Gathering in immediate surroundings were children's duty with fixed norms. Old men were involved in gathering connected with danger; women and teenagers were involved in long-distance gathering. There existed two ways of transportation – manual transportation and transportation with the help of draught animals. Draught animals for adults were cows, for children dogs. In case of manual transportation, people used bags and baskets, or carried bound fuel – bunches, bundles. Transportation means adapted for different seasons were made: wheel carts or sledge coaches. A universal transportation means was a travois. Male adults with disabilities and teenagers made them. Houses and farms had special spaces for storing the gathered fuel.

REFERENCES

1. Arutyunov, S.A. (1989) *Narody i kul'tury. Razvitie i vzaimodeystvie* [Peoples and cultures. Development and interaction]. Moscow: Nauka.
2. Arutyunov, S.A. & Markaryan, E.S. (eds) (1983) *Kul'tura zhizneobespecheniya i etnos: Opyt etnokul'turologicheskogo issledovaniya (na materialakh arm. sel. kul'tury)* [Life support culture and ethnos: Experience of ethnocultural research (on the materials of Armenian village culture)]. Erevan: ArmSSR AS.
3. Shelegina, O.N. (1992) *Ocherki material'noy kul'tury russkikh krest'yan Zapadnoy Sibiri (XVIII – pervaya polovina XIX v.)* [Essays on the material culture of Russian peasants in Western Siberia (18th – first half of the 19th centuries)]. Novosibirsk: Nauka, Sib. izd. firma.
4. Lipinskaya, V.A. (1987) *Russkoe naselenie Altayskogo kraia: Narodnye traditsii v material'noy kul'ture (XVIII–XX vv.)* [Russian population of Altai Krai: Folk traditions in material culture (18th–20th centuries)]. Moscow: Nauka.
5. Minenko, N.A. (1991) *Ekologicheskie znaniya i opyt prirodnopol'zovaniya russkikh krest'yan v Sibiri v XVIII – pervoy polovine XIX v.* [Ecological knowledge and experience of nature management of Russian peasants in Siberia in the 18th -i first half of the 19th centuries]. Novosibirsk: Nauka.
6. Shcheglova, T.K. (2016) *Ustnaya istoriya (Oral history) kak metod i istochnik etnograficheskikh issledovaniy sel'skogo naseleniya v kontekste istoricheskikh sobyitiy XX – nachala XXI stoletiy* [Oral history (Oral history) as a method and source of ethnographic studies of the rural population in the context of the historical events of the 20th – early 21st centuries]. In: Shcheglova, T.K. (ed.) *Ustnaya istoriya: zhiznennyye strategii i povsednevnyye praktiki sel'skogo naseleniya yuga Zapadnoy Sibiri v gody Velikoy Otechestvennoy voyny: sb. nauch. statey i istochnikov* [Oral history: life strategies and daily practices of the rural population of southern Western Siberia during the Great Patriotic War: articles and sources]. Barnaul: Altai State Pedagogical University.
7. Shcheglova, T.K. (2016) *Traditsii i novatsii v obustroytve zhiloy sredy russkogo naseleniya yuga Zapadnoy Sibiri v kontekste istoricheskogo razvitiya (1860–1980 gg.)* [Traditions and innovations in the arrangement of the living environment of the Russian population in the south of Western Siberia in the context of historical development (1860–1980)]. *Traditsionnaya kul'tura: nauchnyy al'manakh*. 1 (61). pp. 163–174.

8. Vaganov, N.A. & Ukhtomskiy, A.P. (1886) *Khozyaystvenno-statisticheskoe opisanie volostey Altayskoy gubernii: otchet* [Economic and statistical description of the volosts of the Altai province: a report]. St. Petersburg: [s.n.].
9. Archive of the Center for Oral History and Ethnography of the Local History Laboratory of Altai State Pedagogical University. Fund IEE 2014. *Izotov Nikolay Semenovich, 1930 g.r., p. Mayskiy, Romanovskiy rayon* [Nikolay Izotov, born in 1930, v. Maysky, Romanovsky District].
10. Archive Department of the Administration of the Romanovsky District of Altai Krai. Fund R-67. List 1. File 47. *Sbornik vospominaniy grazhdan Romanovskogo rayona o sobyitiyakh Velikoy Otechestvennoy voyny 1941–1945 gg. Ch. 1. Zhenshchina i voyna. Ch. 2. Deti voyny: rukopis'* [Collection of memoirs of citizens of the Romanovsky District on the events of the Great Patriotic War of 1941–1945. Part 1. Woman and war. Part 2. Children of War: a manuscript].
11. Shcheglova, T.K. & Dmitrieva, L.M. (eds) (2012) *Altayskaya derevnya v rasskazakh ee zhiteley* [Altai village in the stories of its inhabitants]. Barnaul: Alt. dom pečati.
12. Archive of the Center for Oral History and Ethnography of the Local History Laboratory of Altai State Pedagogical University. Fund IEE 2014. *Sycheva Raisa Dmitrievna, 1927 g.r., s. Guseletovo, Romanovskiy rayon* [Raisa Sycheva, born in 1927, v. Guseletovo, Romanovsky District].
13. Archive of the Center for Oral History and Ethnography of the Local History Laboratory of Altai State Pedagogical University. Fund IEE 2015. *Davydova Evdokiya Ivanovna, 1931 g.r., s. Zalesovo, Zalesovskiy rayon* [Evdokia Davydova, born in 1931, v. Zalesovo, Zalesovsky District].
14. Archive of the Center for Oral History and Ethnography of the Local History Laboratory of Altai State Pedagogical University. Fund IEE 2015. *Kharlova Mariya Egorovna, 1933 g.r., s. Ust'-Kozlukha, Krasnoshchekovskiy rayon* [Maria Kharlova, born in 1933, v. Ust-Kozlukha, Krasnoshchekovsky District].
15. Archive of the Center for Oral History and Ethnography of the Local History Laboratory of Altai State Pedagogical University. Fund IEE 2013. *Denisova Mariya Vasil'evna, 1920 g.r., s. Lebyazh'e, Egor'evskiy rayon* [Maria Denisova, born in 1920, v. Lebyazhie, Egoryevsky District].
16. Archive of the Center for Oral History and Ethnography of the Local History Laboratory of Altai State Pedagogical University. Fund IEE 2015. *Laputina Tat'yana Konstantinovna, 1921 g.r., p. Blagoveshchenka, Blagoveshchenskiy rayon* [Tatyana Laputina, born in 1921, v. Blagoveshenka, Blagoveshchensky District].
17. Archive of the Center for Oral History and Ethnography of the Local History Laboratory of Altai State Pedagogical University. Fund IEE 2015. *Medvedeva Mariya Pavlovna, 1930 g.r., s. Ust'-Beloe, Krasnoshchekovskiy rayon* [Maria Medvedeva, born in 1930, v. Ust-Beloe, Krasnoshchekovsky District].
18. Archive of the Center for Oral History and Ethnography of the Local History Laboratory of Altai State Pedagogical University. Fund IEE 2012. *Chernykh Nina Dmitrievna, 1929 g.r., s. Podoynikovo, Pankrushikhinskiy rayon* [Nina Chernykh, born in 1929, v. Podoynikovo, Pankrushikhinsky District].

Received: 15 April 2018